

Людмила Козлова

Альфа и Омега

Лирика разных лет

Людмила Козлова

Альфа и Омега.
Лирика разных лет

«Издательские решения»

Козлова Л. М.

Альфа и Омега. Лирика разных лет / Л. М. Козлова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854367-8

Лирика разных лет. Стихи о любви, философская лирика, размышления
о природе, о Добре и Зле, о том, что такое человек и его душа.

ISBN 978-5-44-854367-8

© Козлова Л. М.
© Издательские решения

Содержание

Мне запрещали	6
В осеннем поле просторном	7
Эклиптика	8
Здравствуй, розовое	9
Птица Феникс	10
Пинчер-крысолов	11
Будет день	12
Сон	13
Число Пи	14
Мантра	15
Притча о десяти девах	16
Блюз	17
На берегу такое место	18
Полночный тоскующий голос метана	19
Последний виадук	20
Проклятой жизни	21
Среди камней	22
Ещё не слышится в рассвете	23
Последние дни	24
В меха закутана по моде	25
Сила жизни	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Альфа и Омега Лирика разных лет

Людмила Максимовна Козлова

Редактор Людмила Максимовна Козлова

© Людмила Максимовна Козлова, 2017

ISBN 978-5-4485-4367-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мне запрещали

бродить по горам и долинам.
Мне говорили,
что надо бояться людей,
что человек —
это мягкая липкая глина,
и потому подневольно
он – вечный злодей.
Много прошла я с тех пор
по горам и долинам.
Я их боялась,
но я их любила —
людей!
Я и сама —
золотая и мягкая глина,
праведник, лжец
и злодей.
И святой лицедей.

В осеннем поле просторном

Где кони паслись в отаве,
Ты голову там оставил,
Всадник Без Головы.
Ей ветер, мальчишка вздорный,
Снегом сечёт по векам.
Помнишь —
Ты был человеком,
Всадник Без Головы.
А кони, они пасутся,
Им нравится вкус отавы.
Не важно им, кто оставил,
И что.
Но под крик совы
Шарахнутся, понесутся,
Блестя окосевшим глазом.
И вдруг затоскует разом
Всадник Без головы.

Эклиптика

Катится Жизнь
в шоколадном трамвае.
В окнах мелькают льняные глаза.
Сладкие рельсы кондитера мая
Кончатся скоро, а выйти нельзя.
Праздничный, пряничный
Фирменный китель,
Где же твоя бирюза?
Слеп да и пьян
Полоумный водитель,
И на закуску
Ушли тормоза.
Крошатся рельсы,
Куски отлетают.
Всё ощутимее крен роковой.
И Зодиак, словно хищная стая,
Кружится, кружится над головой.

Здравствуй, розовое

рассветное, раннее!
Снова ранила Жизнь небеса.
Истекая кровью
совсем по-бараньи,
красит небо поля и леса.
Вот и все мы
повязаны кровью-
Божий Агнец вздохнул
и замолк.
Но пока осеняемся
Божьей любовью,
к алтарю пробирается
волк.
Вот на нём уже
шкура овечья.
Божий промысел нам не постичь.
Богу – божье,
а нам – человечесьё.
зайцу – заячьё,
хищнику – дичь!

Птица Феникс

Огонь —
золотая царица,
смертельная жрица древес!
Я – Феникс!
Я – Вещая Птица,
частица алмазных небес!
Скелет мой горелый взлетает
и падает в струи огня.
И плачет голодная стая,
которая жарит меня.

Пинчер-крысолов

Утром, распятым заботою ранней
в сонном ещё неглиже,
стая крысиных пираний
кинулась рвать и тиранить
всё, что осталось в душе...
Всё, что живое металось,
ключьями – в пропасть зеро!
Господи! Я из металла!
Господи! Я не устала
всё ещё верить в Добро.
Я позову из Синичьего, Юного,
зная целительство слов:
Где ты, мой пинчер,
окраса подлунного?
Где ты, лихой крысолов?
И раздирая
пространство латунное,
лаем ответит: «Я – здесь,
я – готов!» —
пинчер подросток
окраса подлунного,
друг мой, охотник и крысолов!

Будет день

как в детстве длинным —
будет длиться, длиться, длиться.
снегом сказочно-былинным
рисовать былые лица.
Сквозь узоры занавесок
детство манит следом санным
в глубь сосновых арабесок
и поёт зиме осанну.
И в санях да на Кауром
полечу я лесом хвойным,
где крадётся сумрак хмурый
и ведёт со светом войны.
Мои сани едут сами,
разметая солнца искры,
и у сосен под ногами
спят оранжевые лисы.
Чтобы вечером проснуться,
отряхнуться для охоты,
посидеть под лунным блюдцем
и бежать, припомнив что-то.

Сон

Жёлтая кровь фонаря
Красит слепой туман.
Воет собака зря —
спит её пан-меломан.
Сон его – это вой,
Жёлтая кровь над головой.
Вой этот – смертный плач,
В красном плаще палач.
Вот он поднял топор,
Вытер его о полу.
Крепко и с давних пор
Спит голова на полу.
Сон её – вой тоски,
Помоста кленовый узор,
Влепленный в край доски.

Число Пи

Вечером хладным и влажным
желанья свои оскопи —
правит без жалости
миром продажным
число бесконечное Пи.
Выпав из круга однажды,
елеем себя окропи —
чтоб укротить
вековечную жажду
числа бесконечного Пи.
Ты верь в искупление свято —
и Зло, воскрешеньем маня,
тебя не утянет обратно
на круг, как слепого коня.
Тогда от полёта немея,
весёлую силу копи —
исчислить твой Дух не посмеет
число бесконечное Пи.

Мантра

Там, за синими горами
Кришна в золотистом сари.
Харе Рама, Харе Рама.
Рама, Рама, Харе, Харе.
Там цветут миндаль и вишня,
Нет больных, несчастных, парий.
Харе Кришна, Харе Кришна.
Кришна, Кришна, Харе, Харе.
Кришна ищет злато Храма
Даже в варваре-корсаре.
Харе Рама, Харе Рама.
Рама, Рама, Харе, Харе.
Есть для нас и стол и крыша
В Лондоне и Амритсаре.
Харе Кришна, Харе Кришна.
Кришна, Кришна, Харе, Харе.
Мы одарены дарами,
В кураже мы и в ударе.
Харе Рама, Харе Рама.
Рама, Рама, Харе, Харе.

Притча о десяти девах

Пожилые сусальные бабушки
Всё мечтают о вечной любви.
Всё играют в горелки да в ладушки,
Словно мир не запачкан в крови.
В бессердечном восторге маразма
Всё поют о красе и душе.
Мир сгорает от солнечной плазмы,
Всё пропахло распадом уже.
Но в волнах нарастающих смрада
Запеваёт старушечий хор:
«Милый мой, жду тебя у ограды,
От любви отречься не надо —
Отопри потихоньку запор!»

Блюз

Спокойные шведы
с невытыми патлами,
в изжёванных бородах,
схожих с заплатами,
эстраду как дом
обживали старательно —
ходили, садились,
как будто трудились,
вставали зачем-то опять.
И голос тромбона
закручивал вспять
минуты,
секунды,
рога
и хвосты,
и негра,
торчащего словно цветы!

На берегу такое место

Похожее на Коктебель.
Здесь продаётся мирабель —
В гареме августа – невеста.
Её прозрачные глаза
Как брызги солнца
Красят берег.
Реки и неба бирюза
Любви, а не разлуке верят.
Ах, что такое Коктебель —
Теперь едва ли знает каждый.
Он, мною видимый однажды,
Напоминает мирабель.
Янтарный город на мгновенье
Запретным плодом в руку взят.
И вот – закончилось владенье —
Растаял жёлтый аромат.

Полночный тоскующий голос метана

Любовные песни лягушек весенних
укутаны семенем словно сметаной.
О, модус вивенди!
О, модус вивенди!
Заря, без причуд продвигаясь к востоку,
пожарами бредит на утреннем стенде
и всех приголубит светло и жестоко.
О, модус вивенди!
О, модус вивенди!
И примет нас день, но совсем не в объятья —
как братьев холодный расчётливый денди.
И будет смотреть не в глаза, а на платье.
О, модус вивенди!
О, модус вивенди!
И только лягушки в любовном угаре
не знают про деньги, про бредни и бренди,
плевать им на даму в лиловом муаре.
О, модус вивенди!
О, модус вивенди!

Последний виадук

День сгорел сосновой спичкой.
Значит – будет ночь.
Солнце раскалённой бричкой
с косогора – прочь.
Скрылась солнца колесница —
пала в листопад.
И сияет и дымится,
и летит закат.
Свет его над миром держит
лес железных рук —
как последняя Надежда,
старый виадук.
Словно он всех нас живее,
словно – в небо дверь.
Упадёт и заржавеет.
И проснётся Зверь.

Проклятой жизни

бумеранг
в руках у Дьявола,
как бита.
И столько чудищ
в нём набито,
что не спасёт
священный Ганг.
И даже Слово*
не оможет —
зверинец сделать
Храмом Божьим

Среди камней

Безгласно-неподвижна
Я простояла
Тысячи веков.
Иисус Христос
И Магомет, и Кришна
Меня лишили
Каменных оков.
Среди деревьев
самой деревянной,
сосновой самой
долго я была.
Среди собак
Я самой окаянной
Навеки обездоленной слыла.
И, наконец, сегодня Человеком
В мучениях и корчах родилась,
Чтобы принять от Бога
И от века
Любовь и Ложь,
Прощение и Грязь!

Ещё не слышится в рассвете

Печного дыма хвойный ток.
Ещё висок таит в портрете
Заветный детский завиток.
И там, в невидимом пока,
Гуляет солнце в зимних рощах,
И карамельный день полощет
В глубоком небе облака.
Но в тех же рощах и пампасах,
За всё цепляясь, всё круша,
Отчаянно и многогласо
Вопит животная душа.
Она уже готова в клочья
Порвать и весело глодать,
Жевать, урчать и жаждать ночи.
И врать.
И взять,
а не отдать.

Последние дни

Москитный флот идёт на Землю —
погибельная саранча,
хитиновыми рожками стуча!
В нём сонмы вирусов летучих
кишат во мгле без берегов —
распад души,
распад мозгов!
Не чужа смерти, человеки
картошку жарят на огне,
торча неделями в окне.
Не чужа смерти, человеки
твердыни строят из камней
на краешке последних дней...

В меха закутана по моде

Зима волчицею прошла.
Апрель.
Звонят колокола.
Последний сон
В деревьях бродит.
А утром, изумрудно чист,
Поранит небо, словно скальпель,
Живой пахучий острый лист.
И несколько карминных капель
С небес на землю упадут,
Окрасят крыши, окна, пруд...
И двери настезь – и с петель —
Сорвёт апрель!

Сила жизни

Смертны все мы —
И гвельфы, и эльфы.
В светлый глей
И оранжевый глёт
Ляжет каждый однажды,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.